

«МЫСЛЯЩИЙ ДИАЛОГ» КАК ЖИЗНЬ ФИЛОСОФИИ

© 2015 В.А.Конев

Самарский государственный университет

Статья поступила в редакцию 21.12.2014

В статье показано, что история философии может выступать или как рассказ о достижениях философии, или как реальный процесс их порождения. В первом случае философские произведения прошлого предстают как продукты культуры, которые требуют понимания, а во втором – как участники мыслящего диалога, приобретающие новые смыслы.

Ключевые слова: история философии, мыслящий диалог, произведение культуры, Хайдеггер, Делёз, Мамардашвили.

Словосочетание «произведение культуры» именно как сочетание слов открывает очевидную, но и скрытую тайну культуры. Как известно, один и тот же родительный падеж (генетив) может иметь разный смысл: он может нести смысл *genitiv ussubjektivus* – указывая на субъекта действия, а может нести смысл *genitiv usobjektivus* – указывая на объект действия. И тогда в словосочетании «произведение культуры» культура может трактоваться либо как субъект (как активное начало), либо как объект (как пассивное начало), и тогда произведение оказывается либо результатом действия культуры = оно культурой производится, либо тем, что порождает (создает) культуру = культура производится производением. Оба эти смысла содержательны. Культура, действительно, производит, создает возможность, инициирует произведения (вспомним Освальда Шпенглера, который считал, что душа культуры одухотворяет деяния людей, подвигая их на творчество, что культура несет в себе пра-феномен всех своих феноменов). Но культура и живет благодаря произведениям, она создается ими, она обретает свои смыслы и ценности, когда произведение себя актуализирует, когда оно свершается и заставляет светиться новыми красками уже существующие в культуре произведения (вспомним формулу развития культуры В.С.Библера – «Явление четвертое. Те же и Софья...»).

Вот перед нами философские тексты. Например, тексты Иммануила Канта, представляющие философию Канта. Учебники по истории философии, энциклопедии или вадемекумы типа «Кант за 90 минут!» расскажут о Канте, что он родона-

чалник немецкой классической философии, что его трансцендентальная философия пытается преодолеть ограниченность как эмпиризма остроумной философии, так и рационализма континентальной философии XVII – XVIII веков, что в ее идеях слышны отзвуки Французской революции, что три его знаменитых Критики говорят о гносеологии, морали и эстетике и т.п. Здесь тексты Канта предстают как продукты европейской культуры и как предъявление содержания определенных философских теорий. Читая произведения Канта под этим углом зрения, я получаю информацию о состоянии европейской философии XVIII века, об ее отличии от философии античности или средневековья, о влиянии Канта на последующую философию. В этом случае философия и произведения Канта – факт истории культуры и ее произведение. Быть моментом истории – значит быть звеном в цепи ее событий, ее произведений.

XIX век как век, осознавший значимость истории как науки (школа Леопольда Ранке), породил целую серию историко-философских исследований (Гегель, Л.Фейербах, И.Э.Эрдман, Э.Целлер, Ф.А.Ланге, В.Виндельбанд) венцом которой стала фундаментальная десятитомная «История новой философии» Куно Фишера. Труд последнего стал руководством для каждого, кто приступал к изучению европейской философии или просто интересовался ее содержанием. Целых два тома (четвертый и пятый), посвященных философии Канта, подробнейшим образом излагают его основные сочинения, помогая разобраться в хитросплетениях критического анализа. Изложение содержания кантовских произведений Куно Фишером превратилось в хрестоматийное представление о смысле философских представлений кёнигсбергского мыслителя. Историк философии, выявляя схему рассуждения мыслителя, как бы

^o Конев Владимир Александрович, Заслуженный деятель науки РФ, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии гуманитарных факультетов. E-mail: yakonev37@mail.ru

размывает красочный слой, который оживлял рассуждения философа. Учебник (руководство, пособие, изложение) – это информатизированная мысль. Здесь мысль предстает не в своем облике, когда она что-то осмысляет, что-то постигает, а в облике информации, которая вписана в уже существующий и понятный / понятый контекст.

Мысль философа оживляется только тогда, когда к ней прикасается мысль другого философа. И тогда философский текст, философское произведение раскрывает свой собственно философский смысл, культивируя сам мир философии, иницируя философское осмысление мира, тем самым производя/воспроизводя живое состояние философии. Историко-философские изыскания XIX века не знали самостоятельных (монографических) историко-философских работ такого типа, которые бы демонстрировали схематизированное изложение концепции философа прошлого, а ее диалогическое освоение новой философской идеей. Хотя, конечно, такая диалогическая (полемика-агоническая) интерпретация философии прошлого всегда присутствовала в актуальных философских исследованиях. Достаточно вспомнить Ницше, который своим философским молотком («философствование молотом»!) простукивал как идолов господствующей культуры, так и идеи старой философии на предмет их подлинности и пригодности к современности.

Именно этот метод, если не простукивание молотком, то некое пальпирование, зондирование глубинных слоев философского учения, приводит к обнаружению неявных смыслов философского учения и к выявлению новых потенциалов развития философской мысли. Именно здесь творится история философии, так реализуется историчность философии = способность ее жить. М.Хайдеггер отмечал: «Собственная историчность [т.е. реальное участие в истории, а не просто рассказ о прошлом – В.К.] понимает историю как “возвращение” возможного»¹. Возвращение в этом случае – не повторение и не традиция, а новое «проигрывание» истории. Тогда прошлое философии, её уже известные произведения и тексты не просто пересказываются или понимаются, а раскрываются как условия собственной мысли читающего, когда мысль оказывается в состоянии напряженного мыслящего диалога с самой философией, когда энергия философского проживания мира, сконцентрированная в классическом произведении, превращается в движение самой философской мысли.

Трактат Мартина Хайдеггера «Кант и проблема метафизики» был, вероятно, первым историко-философским сочинением XX века, в котором метод «мыслящего диалога» продемонстрировал, как классическое произведение философии приобретает современное звучание и становится не фактом истории философской культуры, а реальным участником её развития. Историзм сочинения Хайдеггера о Канте заключается не в том, чтобы рассказать учение Кёнигсбергского мыслителя об априорном синтезе, как это делают Куно Фишер или Эрнст Кассирер (что, несомненно, нужно!), а в том, чтобы в учении Канта обнаружить то зерно, из которого вырастает новая философская мысль, созвучная новой действительности. Автор «Бытия и времени» исходит из того, что «во всяком философском познании вообще решающим должно быть не то, что оно говорит в высказанных предложениях, но то, что через сказанное открывается как еще не сказанное»². «Еще не сказанное» в «Критике чистого разума», по Хайдеггеру, является заложенная в кантовском учении о трансцендентальной способности воображения идея «внутренней возможности сущностного единства онтологического познания»³, которая (возможность) «осуществляется как раскрытие трансценденции, т.е. субъективности человеческого субъекта»⁴. Хайдеггер вычитывает в кантовском обосновании метафизики (обосновании возможности онтологического познания) необходимость систематической разработки «философской антропологии», которая должна трактоваться как открытие конечности (временности) бытия человека, «конечности в человеке»⁵. Так кантовская критика чистого разума начинает питать своими идеями развитие новой философской парадигмы – антропологический поворот в философии.

В этом же ключе прочитывается Кант двумя другими философами второй половины XX века – французом Жилем Делёзом и грузином Мерабом Мамардашвили. Несмотря на то, что для Делёза Кант скорее философский противник, а для Мамардашвили – абсолютный союзник, оба философа смотрят на кантовскую философию сквозь призму понимания человеческой жизни и находят в ней так необходимые современному вос-

¹ Хайдеггер, М. Бытие и время / М.Хайдеггер; пер. В.В.Бибихина. – М.: Ad Marginem, 1997. – С.391.

² Хайдеггер, М. Кант и проблемы метафизики / М.Хайдеггер; пер.О.В.Никифорова. – М.: Русское феноменологическое об-во, 1997. – С. 117 (Курсив мой – В.К.).

³ Хайдеггер, М. Кант и проблемы – С. 113.

⁴ Хайдеггер, М. Кант и проблемы – С. 119.

⁵ Хайдеггер, М. Кант и проблемы.... – С.126 – 127 и далее.

приятию человека теоретические основания анализа его активности.

В «классическом» изложении философии Канта разум предстает как строго выстроенная структура априорных форм, которые, как грани кристалла, всегда сохраняются одними и теми же, всегда воспроизводятся и всегда способны воссоздать одно и то же отношение разума и мира. Делёз же представляет кантовскую архитеконику чистого разума через структуру основных способностей разума. В этом он в роде бы не отклоняется от Канта, который, как известно, каждую из «Критик» начинается с отсылки к определенной способности (познавательной, практической, способности суждения), но, это незначительное изменение акцента открывает новые смыслы критической философии. Внимательно вчитываясь в кантовскую трактовку способностей, Делёз обнаруживает, что понятие способности у Канта выступает в двух разных смыслах. С одной стороны, способность указывает на направленность сознания, тогда это способности познания, желания или чувства удовольствия / неудовольствия, а с другой, способность выступает источником представлений сознания – тогда это воображение, рассудок, разум. Такое понимание способностей позволяет Делёзу увидеть внутреннюю динамику работы сознания, т.к. «каждой способности в первом смысле слова (познавательная способность, способность желания, чувство удовольствия и неудовольствия) должно соответствовать отношение между способностями во втором смысле слова (воображение, рассудок, разум)»⁶. Именно эта динамика сознания порождает то целесообразное согласие способностей и ту целесообразную связь между природой и человеком, которая является результатом чисто человеческой практической деятельности, что, согласно Делёзу, раскрывается в «Критике способностей суждения»⁷, и которая так значима для французского философа. Акцентируя внимание на кантовском учении о способностях, Делёз вводит философию Канта в контекст современной философии, включая её в диалог о новом понимании человека. Отвечая на вопрос «Что такое просвещение?», профессор Альбертины провозглашал в своё время: «*Sapere aude!* – имей мужество пользоваться *собственным* умом!». В культуре современной, когда утверждается приоритет случая, игры, ситуативности и индивидуализации, *sapere aude* открывается дру-

гой стороной – стремись понимать (*sapere* = быть мудрым, понимать), стремись видеть и понимать разнообразие, понимать *смысл* истины, который у одной и той же истины может быть различным. А это требует напряжения *способностей* человека. И философия Делёза стала своеобразным апофеозом способности человека утверждать свои желания.

Актуальность продуктивного потенциала философии Канта с особой силой раскрывается М. Мамардашвили, который в своих «Кантианских вариациях» учит «иметь дела с Кантом так, как если бы через Канта [мы] имели дело с самими собой»⁸. Тексты Канта должны индуцировать наши собственные мысли, ибо мысль в моей голове может быть только моей мыслью, хотя она и будет мыслью Канта. Философия самого Мамардашвили – это философия мысли как события, более того, жизни человека как постоянно свершающегося события, поэтому в кантовской философии его, прежде всего, интересует различение содержания мысли случившегося состояние мысли, содержания знания и знание как событие. И хотя, замечает Мамардашвили, Кант никогда не говорит о них отдельно, но без этого различения, считает современный философ, нельзя понять его учение о трансцендентальном Я, или трансцендентальной апперцепции⁹. Опыт мысли, а именно это важно для человека, не является результатом действия трансцендентального сознания, он должен быть извлечен из тех рассуждений, которые строятся на его основе. Этот опыт мысли реализуется в способности суждения, в способности самому выстроить мысль как событие, как смысл своего собственного сознания. Обратим внимание, что Мамардашвили, как и Делёз, через кантовское понятие способности выходит к проблеме действия конкретного человека. Способность суждения есть то, что на обычном языке мы называем умом – умный тот, кто судит о чем-то, понимая *все* основания своего суждения, а не только вот это положение вещей¹⁰. Для Мамардашвили как философа важно выстроить концепцию работы человека с сознанием¹¹, так как для того, чтобы знать, надо уметь пользоваться сознанием.

⁶ Делёз, Ж. Критическая философия Канта: учение о способностях / Ж. Делёз // Делёз Ж. Критическая философия Канта: учение о способностях. Бергсонизм. Спиноза / пер. с фр. Я.И. Свирский. – М.: ПЕР СЭ, 2000. – С. 17.

⁷ См.: Делёз, Ж. Критическая философия Канта... – С. 82.

⁸ Мамардашвили, М.К. Кантианские вариации / М.К. Мамардашвили. – М.: «Аграф», 1997. – С. 13.

⁹ Мамардашвили, М.К. Кантианские вариации... – С. 203.

¹⁰ Мамардашвили, М.К. Кантианские вариации... – С. 267.

¹¹ В работе «Символ и сознание» М.К. Мамардашвили и его соавтор разрабатывают о «метатеорию сознания», которая показывает, как человек «работает с сознанием», как происходит «борьба с сознанием». См.: Мамардашвили, М.К. Символ и сознание. Метафизические рассуждения о сознании, символике и языке / М.К. Мамардашвили, А.М. Пятигорский. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1999. – С. 27 – 28; 30 – 31.

Работа с сознанием и есть эта подготовка, это приобщение к сознанию, которое и может дать тебе мысль. Продуктивная сила сознания не спонтанна, её надо уметь использовать, нужно уметь работать с сознанием, как музыканту нужно уметь владеть своим инструментом, для чего он работает с ним, упражняется. Метатеория сознания (философия сознания) Мамардашвили вызвана желанием понять основы сознательного существования отдельного человека, *этого* человека. Эта метатеория не может говорить о содержании сознания, она может говорить о принципах жизни (работы) индивидуального сознания, или о том, как человек строит свою сознательную

жизнь. Философия событийности (свершения, утверждения) мысли, жизни, личностной судьбы, которая создается Мамардашвили, формируется в продуктивном, мыслящем диалоге с философией трансцендентального сознания Канта. Философия Канта продуцирует мысль философа XX века, тем самым творя новую философию.

История культуры напоминает мне жизнь и рост многовековой средиземноморской маслины, ствол которой представляет собой сплетение множества побегов, которые вырастают друг из друга, врастают друг в друга, своим могучим переплетением демонстрируя поражающую жизненность.

“THINKING DIALOGUE” AS LIFE OF PHILOSOPHY

© 2015 V.A.Konev^o

Samara State University

The paper shows that history of philosophy may present itself as narration about the achievements of philosophy or as a real process of their generation. In the first case philosophical works of the past appear to be the products of culture which need perception, while in the latter case they become the participants of the “thinking dialogue” thus gaining new sense.

Key words: history of philosophy, thinking dialogue, works of culture, Heidegger, Deleuze, Mamardashvily.

^o Vladimir Aleksandrovich Konev, Honored worker of science, Doctor of philosophy, Professor, Head of Department of philosophy of humanitarian faculties. E-mail: vakonev37@mail.ru